

Петроглифы Шитоужэнь и фаллические образы наскальных изображений

А.П. Забияко

Ван Цзяньлинь

Аннотация. Статья посвящена открытому авторами в декабре 2015 г. в Северо-Восточном Китае новому археологическому памятнику с наскальными изображениями, который получил название Шитоужэнь. Памятник находится на территории горного массива Малый Хинган. Центральный образ Шитоужэнь – антропоморфное фаллическое существо, сакральный образ фаллических культов. Фаллические образы наскальных изображений и связанные с ними мифологические представления, ритуальные действия являлись одним из средств религиозно-магического обеспечения чадородия. Они акцентировали значимость мужской репродуктивной силы, указывали на её источник – фаллическое существо, духа или первопредка. Авторы полагают, что расположенные рядом с фаллической фигурой округлое пятно и овал представляют собой женские знаки, символы вульвы. Фаллический образ и женские знаки являются визуальным выражением фундаментальной для архаического сознания идеи деторождения, продолжения рода, преемственности и единства поколений, берущих начало от одного предка. Наскальные изображения Шитоужэнь относятся к группе таёжных петроглифов Евразии эпохи бронзы – раннего железного века. Надёжная этнокультурная атрибуция петроглифов Шитоужэнь пока не представляется возможной.

Ключевые слова: петроглифы, наскальные изображения, Китай, фаллические образы, фаллический культ, репродуктивная магия, родовая мифология

Andrey P. Zabyako, Wang Jianlin

Shitouren Petroglyphs and Phallic Images in Rock Art

Abstract. The article deals with a new archaeological site with rock drawings named Shitouren and discovered by authors in Northeast China in December, 2015. The site is located in the territory of the Little Khingan Mountains. The central image of Shitouren is an anthropomorphic phallic being, the sacral image of phallicism. Phallic images in rock art and related mythological ideas and ritual actions were one of the methods of religious and magic providing of childbearing. They accentuated the importance of male reproductive power, pointed to its source – a phallic being, spirit, or progenitor. The authors believe that a roundish spot and an oval, close to the phallic figure, represent female signs symbolizing vulva. The phallic image and female signs are visual expression of the fundamental to archaic consciousness idea of childbearing, reproduction, continuity, and unity of generations originating from one common ancestor. Shitouren petroglyphs relate to the group of taiga petroglyphs of Eurasia in the Bronze and Early Iron Age. Reliable ethnocultural attribution of the petroglyphs of Shitouren is still not possible to be done.

Key words: petroglyphs, rock paintings, China, phallic images, phallic cult, reproductive magic, ancestral mythology

Забияко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой религиоведения и истории, зав. Лабораторией археологии и антропологии Амурского государственного университета; Амурская область, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107; sciencia@yandex.ru.

Andrey P. Zabyako – DSc (Philosophy), Full Professor, Head of the Department of Religious Studies and History, Head of the Laboratory of Archeology and Anthropology, Amur State University; of. 107, build 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur region, Russia; sciencia@yandex.ru

Ван Цзяньлинь – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета; Амурская область, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, wangjianlin1203@mail.ru

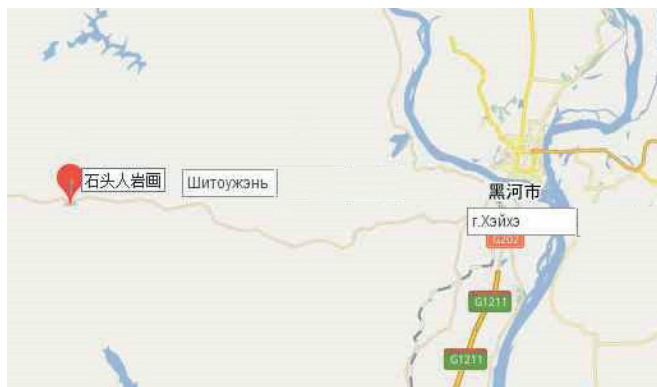
Wang Jianlin – PhD (Philosophy), Research Associate of the Laboratory of Archeology and Anthropology of the Amur State University; build 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur region, Russia; sinocenter@yandex.ru

Со времени открытия Марселино Санс де Саутуолой в пещере Альтамира в 1879 г. древних наскальных изображений и окончательного признания в начале XX в. их подлинности прошло более ста лет. С тех пор не только в Испании и Франко-Кантабрийском регионе, но и во многих других частях Европы, а также в Азии, Африке, Австралии, Америке открыты многие тысячи древних памятников с наскальными рисунками. Изданы сотни книг и трудно исчислимое количество других публикаций, в которых описываются сотни тысяч обнаруженных изображений. Однако до сих пор продолжают поиски новых памятников, исследователи находят ранее неизвестные науке петроглифы и разрабатывают новые методики их фиксации и интерпретации. Вплоть до настоящего времени многие проблемы географической локализации наскальных изображений, их датировки, этнической атрибуции, связи с местными архаическими культурами и религиями остаются малоизученными. Далеко от полноты методологическое оснащение петроглифики. Поэтому каждый новый памятник, новый рисунок важен как в контексте региональной истории народов, культур и религий, так и в общем контексте изучения петроглифики и всеобщей истории.

В течение последних лет авторы статьи проводили исследования на территории Северо-Восточного Китая (Дунбэя, Маньчжурии), где были обследованы ранее известные и найдены новые памятники с древними наскальными изображениями. Итогом этой работы стала недавно изданная монография [Забияко, Ван Цзяньлинь, 2015]. Однако изданием книги процесс изучения петроглифов региона не завершился. На огромном пространстве горных массивов Дунбэя, по берегам рек и на возвышенностях остаётся ещё немало укрытых от глаз исследователей тайгой или скалами древних святилищ, где люди далёкого прошлого создавали на плоскости камня сакральные образы и отправляли рядом связанные с ними культовые действия.

В ходе разведки наиболее перспективных для поиска наскальных изображений мест в октябре 2015 г. авторами статьи был обнаружен при участии местных краеведов (Юй Баоган 于宝刚 Yu Baogang, Юй Баоминь 于宝民 Yu Baomin, Юй Баоцзюнь 于宝军 Yu Baojun, Чжан Цзидун 张季东 Zhang Jidong) новый петроглифический памятник. В декабре 2015 г. он был вторично обследован А.П. Забияко и Ван Цзяньлинем.

Памятник находится в провинции Хэйлунцзян в 60 км к юго-западу от города Хэйхэ. Координаты памятника по GPS 50.23796 с.ш., 127.498177,133 в.д. Город Хэйхэ и окружающая его территория расположены в северо-западной части провинции Хэйлунцзян. Географически прилегающий к Хэйхэ район размещается на севере горного массива (хребта) Малый Хинган. На этом участке высоты вершин невелики, самая крупная гора – Дахэйшань (Большая чёрная гора) имеет высоту над уровнем моря 867 м. Горы сложены гранитами, гнейсами, базальтами и сланцами. Горные склоны покрыты густым кустарником и деревьями, преимущественно лиственными, берёзами, дубняком. На территории находятся 621 малых и средних рек, которые образуют густую сеть водотоков, впадая в крупные реки Амур и Нэньцзян.

Илл. 1. Карта расположения памятника Шитожэнь

На вершине одного из перевалов в 30 м от автомобильной дороги находится отдельно стоящая скала, останец, высотой около 25 м, шириной у основания около 35 м. Средняя высота местности у подножия скалы – 601 м над уровнем моря. Местность вокруг скалы густо заросла лесом, в котором преобладают белые и чёрные берёзы. До ближайшего источника – ручья Шицзинхэ, правого притока р. Амур, – около 2 км. С восточной стороны (с дороги) скала своими причудливыми очертаниями похожа на профиль головы человека. На этом основании памятнику было дано название Шитоужэнь (石头人, Shitouren, кит. *каменный человек*).

Илл. 2. Памятник Шитоужэнь, вид с юго-западной стороны

Илл. 3. Памятник Шитоужэнь, вид с южной стороны

На восточной стороне скалы находится 5 изображений, нарисованных охрой красновато-коричневого цвета. Большая часть рисунков едва просматривается. Одно изображение, нанесённое на скальную поверхность на высоте около 130 см от земли, сохранилось достаточно хорошо для его восприятия и интерпретации. Неплохой сохранности рисунка способствует нависающая над ним каменная плита, образующая небольшой карниз. На рисунке сплошными линиями толщиной около 1 см схематично изображена антропоморфная фигура с разведёнными в стороны руками и ногами, а также фаллосом гипертрофированных размеров. Фаллос нарисован слева от таза в эрегированном состоянии. Высота фигуры – 12 см, ширина – 8 см. Левее и выше от антропоморфной фигуры находятся две параллельные косые линии, а справа от неё – округлое пятно и овал одно над другим.

Илл. 4. Наскальные изображения Шитоужэнь

Антропоморфная фаллическая фигура обладает вполне определённым смыслом и местом в структуре архаических религиозно-мифологических представлений. В контексте архаических культур, в которых возникали и существовали фаллические образы, они выступали составной частью фаллических культов. Фаллический культ – это религиозные верования и практики, тип гендерных верований и практик, основанных на почитании мужской репродуктивной силы, явленной в образе полового органа, фаллоса. Мужская детородная способность становится в фаллическом культе главным объектом сакрализации, а репрезентирующий её мужской детородный орган, фаллос – важнейшим сакральным образом. Наиболее ранние признаки существования фаллического культа восходят к палеолиту и неолиту, в культурных традициях которых появляются графические или объёмные изображения фаллоса, а также рисунки мужских фигур с утрированным половым органом. Большинство древних мифологий содержит образы необыкновенных персонажей, изобиловавших сексуальной энергией. Культовый образ фаллоса, заключающий священную творящую силу, выступает в религиозно-мифологических представлениях проявлением позитивного сверхчеловеческого могущества и наделяется креативными магическими способностями. Как атрибут сверхчеловеческой силы или существа образ фаллоса наделялся также охранительными магическими способностями – на этом основании его изображения или упоминания о нём выступали апотропеями, оберегами от злонамеренных духов, богов и подобных персонажей демонологии [Забяко, 2006, 1100].

Для древних человеческих популяций, боровшихся за существование в трудных жизненных обстоятельствах, в условиях высокой смертности, деторождение имело огромное значение. Стимулирование деторождения являлось для архаического сообщества одной из главенствующих задач. Однако даже для современного человечества деторождение во многом остаётся непознанной областью и трудно-разрешимой проблемой. Для наших древних предков оно было в сущности своей тайной. Высокая степень непредсказуемости и неподконтрольности деторождения заставляла людей дополнять естественные психофизиологические механизмы сексуальности и социальные способы управления ею религиозно-магическими средствами обеспечения чадородия. Так возникают сексуальная (репродуктивная) магия, гендерные верования и практики, направленные на регулирование отношений полов, гендерных групп. Фаллические образы наскальных изображений и связанные с ними мифологические представления, ритуальные действия были одним из средств религиозно-магического обеспечения чадородия. Они акцентируют значимость мужской репродуктивной силы, указывают на её источник – фаллическое существо, духа или первопредка.

Китайский исследователь Ху Сяохуй справедливо замечает, что первостепенная важность деторождения для выживания и роста первобытного человеческого коллектива выступала главным стимулом, побуждавшим «древних людей тратить время и силы на создание петроглифов» [Hu Xiaohui, 1993, 191–192]. Когда древние люди осознают, что над их судьбой господствуют могучие сверхъестественные силы и боги, когда люди начинают поклоняться им, тогда «наскальные изображения становятся инструментом колдовства деторождения, объектом фаллического культа, а петроглифы становятся путём, двигаясь которым, человечество ищет разгадку тайны деторождения» [Hu Xiaohui, 1993, 194].

Архаические антропогонические повествования народов северо-востока Евразии в большинстве случаев появление людей изображают как процесс их изготовления из какого-либо материала (земли, дерева, т.д.). Сюжеты сексуальных отношений разнополых существ возникают в мифологических описаниях для объяснения следующего этапа человеческой истории – появления родов, этнических групп. Происхождение отдельных человеческих коллективов чаще всего излагается в родовых мифах как порождение в результате брака (сожителства) мужчины и женщины, либо человеческого существа и животного (тигра, медведя, т.д.), духа противоположного пола. Нередко главный герой таких повествований – предок-прародитель – отличается высокими репродуктивными способностями, имеет несколько жён, много детей.

Орочское родовое предание рода Акунка рассказывает: «В самом начале род Акунка возник на реке Аку, вышел из скалы Сидаки, что стоит в устье этой реки. В скале есть пещера. А Аку это обыкновенный ручей. В устье того ручья Акунки и родились. Сначала был всего лишь один человек – Акунка – с двумя жёнами. Так они там и жили. От одной жены он имел четырёх сыновей, от другой – семь сыновей. Жили они очень давно, когда земля ещё только остывала. И вот тогда-то эти парни и стали Акунками, настоящими Акунками: Акунки-четвёрочники и Акунки-семёрочники. Когда Акунки, и четвёрочники, и семёрочники, подросли, стали они искать себе жён. Женились в разных других местах. Исконные семёрочники остались жить на Аку, промышляли зверя и рыбу. Иногда далеко уходили в поисках зверя. Часть перешла на Амур, часть пошла к югу, а часть так здесь и осталась, расселившись по всему Тумнину. В таких странствиях находили себе единоплеменников – Мулинков, Намунков, Тыктэмунов, удзехейцев, нанайцев, ульчей, Хутунков, Сиочонков, Эхэмунов, Биаполинков, Манков, Пудя и всех людей из разных других родов. Ведь и те роды так же охотились в тайге, добывали зверя, ловили рыбу, жён себе подбирали из других родов. В те времена Акунки были самыми сильными и многочисленными из всех родов. Бог сотворил Акунку, с самого начала имеющим двух жён. Поэтому-то Акунков и стало больше всех. А предков других родов бог создавал вначале одножёнцами, а иных и не женатыми» [Аврорин, Лебедева, 1966, 174].

Обратим внимание, что род Акунков «вышел из скалы». Представление о том, что в скалах обитают необыкновенные живые существа широко распространено у некоторых народов северо-восточной части Евразии. У нивхов такое представление зафиксировано А.Б. Островским, а ранее Л.Я. Штернбергом и Б.О. Пилсудским. На берегах Нижнего Амура есть скалистые утёсы, скалы, в которых, согласно верованиям нивхов, жили *палангу* («обитатели горы»); соответственно, такие вертикально стоящие камни назывались *палантыф* («дом обитателя горы»). Нивхи относили *палангу* к благонамеренным по отношению к людям сверхчеловеческим антропоморфным существам сходного с нивхами облика. Нивхи почитали этих обитателей скал, воспринимали их как своих защитников и совершали, проходя мимо скал, жертвоприношения в их честь [Островский, 1997, 29–30, 195–206].

Тунгусы верили, что в скалах живут духи. Многие антропоморфные духи имеют выраженные гендерные признаки и тесно связаны с родовой организацией. С.М. Широкогоров многократно обращал внимание на эту сторону тунгусского пантеона. Так, например, он указывает: «У каждого шамана обязательно бывает *малу-сывэн* будь то родовой шаман, к которому *малу* идёт обязательно, как родовой сывэн, будь то неродовой шаман, который ввиду могущества этого сывэна старается его иметь при себе. Как и все родовые сывэны, *малу* сам никакого зла роду не причиняет, но его индифферентизм даёт возможность другим сывэнам и духам вообще причинять зло и болезни. *Малу*, по мнению одних, заимствован от дауров, а по мнению других, был древне-тунгусским духом и у некоторых сохранился полностью, а у других только частью. Так у тунгусов северо-маньчжурских в настоящее время *малу* существует лишь в половинном составе, так как вся мужская половина выявлений (эффектов) его вернулась на север и отсутствует, в то время как у других, более северных тунгусов, сохранилась мужская половина. Поэтому у *малу* имеется только одна полунощная дорога, являющаяся дорогою женской» [Широкогоров, 2001, 143]. По поводу местонахождения *малу* русский этнограф замечает: «Обычно любимым местопребыванием *малу* считаются высокие сопки, заросшие ползучим кедровиком. У различных родов эти места находятся в различных частях ныне занимаемой ими территории и даже вне её» [Широкогоров, 2001, 143].

Сходную картину тунгусских верований А.Ф. Анисимов описывает на эвенкийском материале. У эвенков некоторые скалы были «родовыми святынями», их почитали в качестве «священных скал» (*бугады*). Во время совершения ежегодного общеродового магического ритуала размножения охотничьей добычи – таёжных зверей – шаман «шёл под родовой священный камень и разыскивал там родовое божество – *дуннемушун*, т.е. духа – хозяйку земли». «Шаман просил хозяйку земли помочь со-родичам в промысле. Та посылала его к родовому божеству *бугадымушун* – хозяйке мира, вселенной (*бугадымушун* может быть переведено и как «дух – хозяйка горы»

и как «дух – хозяйка мира, вселенной»)» [Анисимов, 1958, 29]. Этнограф далее вновь акцентирует важность священных скал-бугады как «объектов родового культа», «родовых святынь», которые обретают этот высокий религиозный статус благодаря тому, что являются местом обитания «хозяйки родовой земли – дуннэ мушун и хозяйки зверей и людей (сородичей) – бугады энинтын». «А так как бугады энинтын является не только матерью зверей, но и людей, то эти центры родового культа – деревья и скалы, – как некое материнское рожающее место, признаются общими для зверей и людей» [Анисимов, 1958, 82–83].

Этнографические данные близкого содержания многочисленны. Присутствие в эвенкийских или иных верованиях представлений об обитающих в скалах женщинах-прародительницах не противоречит сведениям о фаллических образах наскальных изображений, а характерным образом дополняет их. Представление о матери-прародительнице в архаическом сознании сопряжено с парным образом мужского существа, носителя мужской репродуктивной силы. Заметим, что нередко на наскальных изображениях встречаются оба персонажа иерогамии, представляющих женское и мужское начала (иногда в состоянии коитуса). Петроглифические одиночные изображения женщин-прародительниц, например, в образе «роженицы» тоже хорошо известны. Недавно такие женские образы были открыты нами в Северо-Восточном Китае (Шэньчжифэн, Тяньшулинь и другие памятники).

Можно с большой долей вероятности предположить, что расположенные справа от фаллической фигуры округлое пятно и овал являются женскими знаками, символом вульвы. Трактовка некоторых наскальных геометрических (абстрактных) знаков с позиций сексуального символизма как женских и мужских была довольно убедительно аргументирована А. Леруа-Гураном [см., например, Leroi-Gourhan, 1964, 94–97; Leroi-Gourhan A., 2009, 171–176, 219–220] и своих основных посылах получила признание среди исследователей петроглифов. Если принять такую интерпретацию знаков Шитоужэнь, тогда общая композиция примет структурную завершенность сопряженности мужского и женского образов и обретёт смысловую полноту, заключающую в себе идею рождения.

Очевидно, что у разных народов северо-востока Евразии в разные исторические времена некоторые конкретные особенности представлений о рождении людей и происхождении родовых групп, о доминировании мужских или женских образов прародителей варьируются. В качестве типичной, наиболее устойчивой мифологемы в разных этнокультурных религиозно-мифологических системах воспроизводится базисная идея скал, каменных массивов или полостей как источника порождающей силы – мужской или женской, как обители родовых духов, защитников, хранителей и дарителей жизни и жизненных благ.

В архаической ментальности фаллические образы своим идейным содержанием выполняли не только когнитивную функцию объяснения тайны деторождения и не только биосоциальную функцию стимулирования репродуктивного поведения людей. Идейное содержание фаллических образов являлось составной частью архаической родовой мифологии, в составе которой фаллические персонажи, визуализируя источник рождения, происхождения, выполняли социальную функцию укрепления родовой идентичности и групповой солидарности.

На наскальных рисунках фаллические персонажи представлены почти повсеместно, в том числе, на многих петроглифах Северо-Восточного Китая (Анянни, Шэньчжифэн, Дунмацзуншань, другие памятники). Типологически и стилистически наскальным изображениям Шитоужэнь наиболее близки на территории Северо-Восточного Китая петроглифы Шэньчжифэн [Забияко, Ван Цзяньлинь, 2015, 69–81]. Памятник Шэньчжифэн находится в 152 км от города Алихэ округа (хошуна) Элунчунь Внутренней Монголии: от Алихэ на юго-запад до деревни Тохэ – 120 км, от Тохэ далее на юго-запад до скалы Шэньчжифэн – 32 км. Географические координаты скалы с рисунками – 49.956888 с.ш., 122.975492 в.д., высота над уровнем моря 806.2 м. В 5–6 км от скалы течет река Тохэ. Скала с петроглифами Шэньчжифэн высится на склоне одной из сопок Большого Хингана – горной системы, расположенной западнее Малого Хингана. Расстояние от Шэньчжифэн до Шитоужэнь – около 350 км почти строго на запад. Один из антропоморфных образов петроглифов Шитоужэнь имеет признаки фаллического персонажа.

Антропоморфным образам Шэньчжифэн и Шитоужэнь близки фаллические фигуры, изображённые на наскальных рисунках р. Токко в Якутии, а также Средней Нюкжи, Арби и некоторых других памятников в Приамурье. Среди антропоморфных образов Арби есть персонаж, который может быть реконструирован как существо, держащее в левой руке продолговатый предмет, либо, что более вероятно, как существо с фаллосом, поднятым вверх с левой стороны тазовой части. Если второй вариант реконструкции верен, в чём мы почти не сомневаемся, тогда фаллические антропоморфные образы Шитоужэнь и Арби предельно близки по манере изображения, семантике и функциям.

Илл. 5. Шэньчжифэн.
Общий вид скалы (останца)

Илл. 6. Шэньчжифэн.
Фаллический образ

Илл. 7. Арби.
Фаллический образ

В более широком контексте рассмотрения петроглифы Шитоужэнь относятся к группе наскальных изображений, которые исследователи обычно называют *таёжными* (лесными, охотничьими) – они образуют «огромный мир искусства лесных племён Сибири и не только Сибири». Среди характерных признаков таёжных петроглифов А.П. Окладников выделял следующие: «Первый такой признак – широко распространённые в этих писаницах пятна, овальные или круглые, как правило, располагающиеся кучками или строками, счётные знаки. Второй – фигуры человечков, «бесполох» в одних случаях или фаллических – в других, стилизованные одинаковым образом, часто рогатые. Третий связующий элемент – условные знаки в виде косоугольного или прямого креста» [Окладников, Запорожская, 1970, 131]. Два первых

признака точно соответствуют петроглифам Шитоужэнь, третий признак в строгом совпадении отсутствует, но на поверхности «Каменного человека» имеются наклонные линии, которые типичны для таёжных петроглифов и обычно сочетаются в композициях с косыми или прямыми крестами. Аналогичные линиям Шитоужэнь наклонные линии рядом с крестами изображены на одной из плоскостей Шэньчжифэн.

Время создания и функционирования петроглифов таёжного стиля охватывает большой исторический период, а их расположение на огромных просторах северной части Евразии предполагает связь с разными этнокультурными традициями. Датировка и этнокультурная принадлежность локальных памятников таёжной группы требует уточнения применительно к конкретному региону.

По данным китайской археологической науки, на правобережье Амура в восточной части Малого Хингана люди появились около 10 тыс. лет назад, они представляли собой кочевые группы, основу хозяйства которых составляли охота и рыболовство [Aihuixianzhi, 1986, 1–2]. Основная часть археологических памятников эпохи неолита найдена китайскими археологами вблизи городов Удалянчи (五大连池市 *Wudalianchishi*), Бэйан (北安市 *Beianshi*), в уезде Нэньцзян (嫩江县 *Nenjiangxian*), несколько памятников обнаружено в районе Айгун (爱辉区 *Aihui qu*, в уезде Сунью (孙吴县 *Sunwu xian*). По мнению китайских учёных, в эпоху палеометалла и раннего железного века (в китайской периодизации – в эпоху династий Шан (商 *Shang*) и Чжоу (周 *Zhou*)) в среднем и нижнем течении р. Амур обитало население, которое относилось к крупной этнической общности сушэнь (肃慎 *sushen*). В этот же период северо-восточная и северо-западная части территории, прилегающей к Хэйхэ, обитали племя дунху (东胡 *donghu*). В центральной и южной частях окружающей Хэйхэ территории располагались племена мо (貊 *mo*), хуймо (秽貊 *huimo*), хуйхэ (秽貉 *huihe*), вэйго (葷国 *weiguo*). Уточняется, что в XVI–XV вв. в северной части современного района Айгунь г. Хэйхэ и в бассейне р. Нэньцзян обитали племена дунху и хуймо [Heihejiyi, 2015, 2–14].

Согласно российским археологическим и этнографическим данным, близлежащая к району Хэйхэ левобережная часть Амура была заселена уже в эпоху верхнего палеолита. В период неолита здесь оставили свой след носители громатухинской, новопетровской и осиноозёрской археологических культур. В период палеометалла (бронзы), раннего железного века и раннего средневековья земли были заселены представителями разных этнокультурных традиций, допускается, что они относились к прототунгусским и протомонгольским группам [Забияко, Беляков, Воронина, 2017; Нестеров, 1998]. Очевидно, что в прошлом на правобережье Амура этническая ситуация была сходной с той, что существовала на левобережье, поскольку только в середине XIX в. берега Верхнего и Среднего Амура были политически и этнически разграничены. Проблема этнической принадлежности и географической локализации упоминаемых в древнекитайских источниках племенных объединений сушэней, дунху, илоу и некоторых других остаётся для российской науки дискуссионной [Полутов, 2015; Полутов, 2017]. Поэтому следует осторожно относиться к предположениям о границах расселения этих общностей в Дунбэе, Приамурье и их связи с археологическими культурами региона.

В эпоху средневековья и Нового времени на берегах Среднего и Верхнего Амура обитали мохэ, чжурчжэни, дщеры, дауры, тунгусы, маньчжуры, а также с середины XVII в. русские. В настоящее время на правобережной территории Амура, прилегающей к Хэйхэ, проживают, кроме китайцев (ханьцев), эвенки, орохоны, дауры и маньчжуры.

Таёжные петроглифы, в составе которых доминируют антропоморфные образы и преобладает схематизм изображений, вслед за А.П. Окладниковым принято датировать поздним неолитом – ранним железным веком. Фаллические фигуры

Илл. 8. Шэньчжифэн.
Наклонные линии

и образ роженицы на петроглифах Токко было предложено датировать средним и поздним неолитом (не ранее III и преимущественно II тыс. до н.э.) [Окладников, Мазин, 1976, 89; Кочмар, 1994, 138–140]. Арбинские петроглифы были отнесены на основании стилистики, тематики и обнаруженных в жертвеннике под скалой артефактов к раннему железному веку (I тыс. до н.э.) [Окладников, Мазин, 1976, 101–105]. Эти и другие датировки наскальных изображений прилегающих к петроглифам Шитоужэнь памятников Приамурья, Якутии, Забайкалья и Монголии, допускают предположение, что петроглифы Шитоужэнь возникли в эпоху бронзы – раннего железного века (II–I тыс. до н.э.).

Этнокультурная принадлежность петроглифов Шитоужэнь в условиях современного состояния научных знаний об этническом составе таёжного населения право- и левобережья Верхнего Амура в эпоху бронзы – раннего железного века пока не может быть достоверно определена.

При обследовании скалы и окружающей местности на юго-западной стороне останца была обнаружена привязанная к кустам на высоте около 5 м красная ленточка. Этот предмет, несомненно, имеет ритуальный характер и связан с культовой деятельностью ороحوнов (хинганских эвенков). Привязывание к деревьям, кустарникам, камням ритуальных лент – широко распространённая у многих народов северо-востока Евразии традиция. Она существовала в прошлом и сохраняется до сих пор у тунгусо-маньчжурских этнических групп, например, у эвенков. Деревня ороحوнов находится приблизительно в 30 км от Шитоужэнь. Многие ороحوны этой и других деревень частично сохранили родной язык и культурные традиции. Присутствие ритуальной ленты указывает на то, что скала с рисунками по-прежнему является культовым местом для местных жителей, не утративших связь с традиционными верованиями и обрядами. Трудно сказать, имеет ли ритуальная лента прямое отношение к наскальным изображениям. Можно с большой долей уверенности предположить, что в религиозном сознании ороحوнов стоящая на вершине перевала скала связана с религиозными представлениями о духах перевалов. Известно, что у эвенков в прошлом бытовал такой обычай: человек, поднявшись на вершину перевала, привязывал там к деревьям, кустам, камням полоски ткани. Обрядовым действием человек благодарил духа местности за то, что он позволил успешно преодолеть трудный участок, и просил помощи для продолжения пути. Многие соблюдают это правило и сейчас. Возможно, почитание скалы местными эвенками укоренено в присущем их верованиям культе скал как родовых святилищ, местопребывании дарующих жизнь духов.

Илл. 9. Шитоужэнь.
Ритуальная лента на скале

В течение тысяч лет живописная скала на вершине перевала остаётся для людей священным местом, обителью духов. Перевалов на хребтах Малого и Большого Хингана сотни. Сколько ещё таких скал – древних святилищ скрывается в глуши маньчжурской тайги?

Заключение

Открытые в декабре 2015 г. наскальные изображения, получившие название Шитоужэнь, являются новым петроглифическим памятником древней истории Северо-Восточного Китая. Всего к настоящему времени в этом регионе Китая насчитывается более 20 объектов с древними и средневековыми наскальными рисунками. Центральный образ Шитоужэнь – антропоморфное фаллическое существо, сакральный образ фаллических культов. Расположенные справа от фаллической фигуры округлое пятно и овал могут представлять собой женские знаки, символы вульвы. Фаллический образ и женские знаки вместе и порознь являются визуальным выражением фундаментальной для архаического

сознания идеи деторождения, продолжения рода, преемственности и единства поколений, берущих начало от одного предка. Наскальные изображения Шитоужэнь относятся к группе таёжных петроглифов Евразии эпохи бронзы – раннего железного века. Надёжная этнокультурная атрибуция петроглифов Шитоужэнь пока не представляется возможной.

Библиографический список

1. Аврорин, В.А. Орочские сказки и мифы / В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1966. – 235 с.
2. Анисимов, А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований / А.Ф. Анисимов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 235 с.
3. Забияко, А.П. Фаллический культ / А.П. Забияко // Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 1100.
4. Забияко, А.П. Народы и религии Приамурья / А.О. Беляков, А.С. Воронина, Е.А. Завадская, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, В.С. Матющенко, О.В. Пелевина, К.И. Родионова, Н.В. Чирков; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. – 424 с.
5. Забияко А.П. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая / А.П. Забияко, Ван Цзяньлинь. – Благовещенск, Амурский госуниверситет, 2015. – 310 с.
6. Кочмар, Н.И. Писаницы Якутии / Н.И. Кочмар. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994. – 228 с.
7. Нестеров, С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья / С.П. Нестеров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.
8. Окладников, А.П. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2 / А.П. Окладников, В.Д. Запорожская. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
9. Окладников, А.П. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья / А.П. Окладников, А.И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 190 с.
10. Островский, А.Б. Мифология и верования нивхов / А.Б. Островский. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – 288 с.
11. Полутов, А.В. Илоу в китайских письменных памятниках / А.В. Полутов // Известия Восточного Института. – 2015. – № 4 (28). – С. 24–44.
12. Полутов, А.В. Род Сушэнь в китайских письменных памятниках / А.В. Полутов // Известия Восточного Института. – 2017. – № 1 (33). – С. 17–38.
13. Широкогоров, С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов / С.М. Широкогоров // Этнографические исследования. Книга первая. Избранное. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. – С. 116–186.
14. Aihui xianzhi (Краеведение уезда Айгун). – Heihe: Beifang wenwu zazhi shechuban. 1986 nian 10 yue, di 1 ban. – 198 p. (на кит. яз.).
15. Heihe jiyi. Shangjuan (Памятные сведения о городе Хэйхэ. Первый том). – Heihe: Heihe shidang anju bianji, 2015. – 210 p. (на кит. яз.).
16. Hu Xiaohui. Yanhua yu shengzhi wushu (Петроглифы и колдовство деторождения). – Wulumuqi: Xinjiang meishu chubanshe, 1993. – 220 p. (на кит. яз.).
17. Leroi-Gourhan, A. Les religions de la Préhistoire / A. Leroi-Gourhan. – Paris: Quadrige, 1964. – 156 p.
18. Leroi-Gourhan, A. L'art pariétal. Langage de la préhistoire / A. Leroi-Gourhan. – Grenoble: Editions Jérôme Millon, 2009. – 420 p.

References

1. Avrorin V.A. *Orochskie skazki i mify* [Tales and Myths of the Orochis]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otделение, 1966, 235 p. (in Russian).
2. Anisimov A.F. *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problema proichkhozhdeniya pervobytnykh verovaniy* [Religion of the Evenki in Historical and Genetic Studies and the Problem of Primitive Beliefs' Origin]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, 235 p. (in Russian).
3. Zabyako A.P. *Religiovedenie: Entsiklopedicheskyy slovar* '[Study of Religion: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademichesky proekt, 2006, p. 1100 (in Russian).
4. Zabyako A.P. *Narody i religii Priamurya* [Peoples and Religions of the Amur Region]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017, 424 p. (in Russian).

5. Zabiyaiko A.P., Wang Zianlin. *Naskalnye izobrazheniya Severo-Vostochnogo Kitaya* [Rock Art of Northeast China]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosuniversitet, 2015, 310 p. (in Russian).
6. Kochmar N.I. *Pisanitsy Yakutii* [Rock Art Sites of Yakutia]. Novosibirsk: IAiE SO RAN Publ., 1994, 228 p. (in Russian).
7. Nesterov S.P. *Narody Priamurya v epokhu rannego srednevekovya* [Peoples of the Amur Region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 1998, 184 p. (in Russian).
8. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglyphy Zbaikalya. Chast' 2* [Petroglyphs of Transbaikalia. Part 2]. Leningrad: Nauka, 1970, 264 p. (in Russian).
9. Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanitsy reki Olyokmy i Verkhnego Priamurya* [Rock Art Sites of the Olyokma River and Upper Amur Region]. Novosibirsk: Nauka, 1976, 190 p. (in Russian).
10. Ostrovsky A.B. *Mifologiya i verovaniya nivkhov* [Mythology and Beliefs of the Nivkhs]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostoковедение, 1997, 288 p. (in Russian).
11. Polutov A.V. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [Proceedings of the Oriental Institute]. 2015, no. 4 (28), pp. 24–44 (in Russian).
12. Polutov A.V. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [Proceedings of the Oriental Institute]. 2017, no. 1 (33), pp. 17–38 (in Russian).
13. Shirokogoroff S.M. *Etnograficheskie issledovaniya. Kniga pervaya* [Ethnographic Studies. Book 1]. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 2001, pp. 116–186 (in Russian).
14. *Annals of Aihui County*. Heihe: Beifang wenwu zazhi shechuban, 1986, 198 p. (in Chinese).
15. *Annals of Heihe. Volume 1*. Heihe: Heihe shidang anju bianji, 2015, 210 p. (in Chinese).
16. *Petroglyphs and Reproductive Magic*. Wulumuqi: Xinjiang meishu chubanshe, 1993, 220 p. (in Chinese).
17. Leroi-Gourhan A. *Prehistoric Religions* [Les religions de la Préhistoire]. Paris: Quadrige, 1964, 156 p. (in French).
18. Leroi-Gourhan A. *Rock Art. Prehistoric Language* [L'art pariétal. Langage de la préhistoire]. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 2009, 420 p. (in French).